В. В. ВОРОВСКИЙ (П. Орловский)

К ИСТОРИИ МАРКСИЗМА В РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ".
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◆ МОСКВА ◆ 1923

T 8 4/20

В. В. ВОРОВСКИЙ (П. Орловский)

К ИСТОРИИ МАРКСИЗМА
В РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЪ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1923

Главлит. № 12.722. Тираж 10.000 экз.

„Мосполиграф“—20-я типогр. „Красный Пролетарий“, Пименовская ул., д. 1/16.

I.

В настоящей статье мы имеем в виду наметить те пути, которыми развивалась и слагалась марксистская мысль в России. Наша тема, следовательно, ограничивается теорией социал-демократического движения,—начиная с ее первого появления в России и вплоть до того момента, когда она сложилась в прочное здание программы социал-демократической партии, т.-е. до второго съезда партии в июле—августе 1903 года. Это событие совпадает с завершением теоретических споров между ортодоксами и ревизионистами, имевших место в период 1898—1903 годов. С принятием партийной программы споры перенеслись в область тактики, а интенсивное рабочее движение после 1903 г. придало всем разногласиям исключительно практический характер. Сюда же следует отнести и споры по аграрному вопросу, происходившие на Стокгольмском съезде, хотя они и вылились формально в программные требования.

Историю марксизма за рассматриваемый период мы разделяем ниже на пять периодов, характеризующихся и внешними признаками и внутренней цельностью:

Первый период: Ранний теоретический марксизм, главным образом, захвативший область политической экономии (70-ые и 80-ые годы).

Второй период: Группа „Освобождение Труда“ (80-ые годы).

Третий период: Легальный марксизм 90-х годов.

Четвертый период: Ревизионизм в легальной литературе, экономизм в практике (конец 90-х и начало 900-х годов).

Пятый период: Период „Зари“. Борьба за ортодоксию. Создание программы (1900—1903 гг.).

В этой последовательности мы будем вести изложение[1]).

Быть-может, нигде учение Маркса не переживало таких своеобразных перипетий, как в России. Возникнув в Западной Европе, как идеологическое выражение потребностей и мышления определенного классса, пролетариата, оно было перенесено в Россию 70-х годов, где пролетариат не только еще не созрел для его понимания, но где даже идеологи „трудящихся классов“ стояли еще всецело на точке зрения мелкой буржуазии, мелких самостоятельных производителей, а на пролетариат смотрели лишь, как на временное болезненное новообразование, которое должно исчезнуть при свободном развитии исконных начал народной жизни. „Россия— одна из (таких) некапиталистических стран“—писал уже в 1882 году г. В. В.—„и надежда на изменение ее экономического строя по западному образцу с каждым годом становится слабее“[2]). Таким образом, в России того времени не было социальных основ для восприятия учения Маркса, как классового учения. Оно было кастрировано. Из него удалили всю его социологическую часть—его живую душу, оставив только экономическое учение, которое рассматривалось, оценивалось и принималось (или отвергалось) исключительно, как „система политической экономии“, независимо от ее связи со всем мировоззрением автора. Даже те лица, которые, казалось, более всего имели основания сочувствовать социалистической точке зрения Маркса, резко отделяли „научные“ и „ненаучные“ черты его учения. Тот же г. В. В. писал в своей статье „Русский марксизм“[3]): „Ему (т.-е. Марксу) поклоняются отщепенцы буржуазии и представители пролетариата, но боятся его учения настоящие патентованные ученые. Нельзя не пожелать, чтобы этот суеверный страх

---

[1]) Недостаток времени и невозможность в силу этого использовать многие важные материалы (особенно для 2-й и 5-й главы) делают настоящий очерк весьма неполным. С другой стороны, большая сжатость статьи, которой отведено так мало места при обширности темы, превращает ее скорее в план сочинения, чем в само сочинение. А потому я ставил своей задачей, главным образом, наметить характерные черты каждого периода и общего развития всего течения, отказавшись от детального исторического изложения.

[2]) „Очерки теоретической экономии“. Спб. 1895, г., стр. 206.

[3]) Там же, стр. 212—213.

скорее рассеялся, и чтобы люди научились отделять доказанные положения системы Маркса от более или менее вероятных или произвольных его гипотез". Под последними же понимается „идея пролетариата", делающая политическую экономию Маркса „социалистической". Но если, с одной стороны, отвергается социологическая основа Марксовой экономии, то с другой,—сама эта экономия, главным образом, теория ценности и капитала, принимается всей „оппозиционной" наукой—от народников до либеральных профессоров. Не даром противник марксизма проф. Георгиевский писал в предисловии к своему курсу политической экономии в 1896 г. „Господствующим направлением в русской экономической литературе, повидимому, является направление К. Маркса"[1]). Идеология пролетариата явилась научным орудием борьбы либерализма с существующим порядком еще задолго до того, как сам пролетариат мог явиться политическим орудием этого либерализма.

Влияние Маркса на русскую общественную мысль начинает сказываться весьма рано. Еще первые шаги его—именно издание единственного выпуска „Deutsch-Französische Jahrbücher" в 1844 г.—обратили на себя внимание Белинского. „Два дня я от нее (от тетрадки этого журнала. П. О.) был весел",—писал он Герцену 26 янв. 1845 г.,—„и все тут. Истину я взял себе"[2]). Имя Маркса было, вероятно, известно друзьям Белинского и от Бакунина, который в 1844 г. лично познакомился с Марксом и Энгельсом в Париже, и от Герцена, оставившего следы своего нерасположения к Марксу в „Былом и Думах" (глава „Немцы в эмиграции")[3]). Этим объясняется, повидимому, и тот интерес к Марксу, который проявил П. В. Анненков, попав за границу[4]). Впрочем, это знакомство с Марксом основано почти исключитель-

---

1) „Политическая экономия", 4-ое изд. Спб., 1904 г., стр. XIV.

2) А. Н. Пыпин: „Белинский, его жизнь и переписка", изд. 2-ое, 1908 г. стр. 488.

3) О М. А. Бакунине и его отзывах о Марксе см. биографию его, написанную членом „Интернационала" Гильомом („Былое", август 1906 г.). О Герцене см. т. III „Сочинений", изд. Павленкова.

4) П. В. Анненков: „Воспоминания", т. III. „Замечательное десятилетие" Спб. 1882.

но на письмах и на личных впечатлениях к тому же, большей частью, лиц пристрастных. Ранние самостоятельные работы Маркса конца 40-х годов не были известны в России. Их, повидимому, не знали даже такие люди, как Чернышевский, так близко подошедший к Марксу в некоторых вопросах, или Зибер, посвятивший свою деятельность популяризации марксизма.

Более широкий и серьезный интерес к учению Маркса пробудился лишь по выходе в свет первого тома „Капитала". Этот крупный факт был тотчас же отмечен и доброжелательной и враждебной критикой. Многочисленные отзывы о книге Маркса—от самых враждебных до самых восторженных,—из которых мы приведем наиболее характерные, можно расположить по степени убывающей враждебности следующим образом. Прежде всего идет группа апологетов капитализма и существующего порядка, набросившаяся на автора „Капитала" с какой-то злобной ненавистью. Застрельщиком явился г. Ю. Жуковский, тот самый, который писал некогда „прекрасные", по выражению Н. Зибера, статьи о Рикардо. Теперь он выступил против Маркса, пытаясь опровергнуть его посылки цифровыми примерами и детальными возражениями. Своим классовым чутьем он понял, что „Капитал" устанавливает право рабочего на прибавочный продукт, и он противопоставил ему право собственника: „Пользование (означенным) капиталом доставалось в руки тех, кто оказывался виновником его появления, т.-е. организующих классов. Работник же, ничего не изобретавший и ничего не организовавший, а только постоянно организуемый, не имеет никакого основания заявлять на нее (т.-е. на прибыль. П. О.) малейшие притязания, и, если сравнить в этом случае обоих, то, с точки зрения права, класс капиталистов, не в том ограниченном смысле, как понимает его Маркс, а как класс более обширный, обнимающий собою как правительство, так и поземельных и денежных собственников—словом, весь класс лиц, выдвинувшийся из рабочей массы в течение истории и явившийся организатором коллективной работы в обществе, как представитель психической работы общества за все прошлое время,—имеет, по крайней мере, с внешней,

формальной стороны, в отношении прибавочной стоимости и более прав"[1]).

С той же точки зрения и теми же аргументами действует против Маркса и Б. Чичерин. Но в качестве человека, причастного к философии, он считает нужным затронуть диалектический метод Маркса. И тут он приходит в недоумение, весьма характерное и для его мышления, и для его знакомства с философией. „Можно ожидать (после этого),—говорит он,—что диалектика Гегеля явится отрицанием действительности, а диалектика Маркса, напротив — восстановлением действительности [2]). Но выходит наоборот. Именно та диалектика, которая извращает, или „ставит на голову" истинные отношения вещей, раскрывает положительную сторону существующего и выступает, как его защитница; а та диалектика, которая существующее берет за основание, становится к нему в отрицательное отношение, указывает на необходимость погибели „каждой окрепшей формы в потоке движения",—одним словом, является по существу своему критическою и революционною"[3]). Больше догадливости проявил этот критик в политической оценке учения Маркса. „Как видно,—говорит он в конце статьи,—тут дело идет ни более ни менее, как о насильственном ниспровержении всего существующего общественного строя"[4]).

Та же боязнь за существующий строй и частную собственность звучит в разборе учения Маркса, Н. Х. Бунге. В качестве экономиста, он, подобно г. Жуковскому, подробно останавливается на критике чисто экономических положений Маркса. Но и он не в силах сдержать порывов души и, в конце-концов, прорывается такой характерный тирадой: „Скачок из царства необходимости в царство свободы, воз-

---

[1]) Карл Маркс и его книга о „Капитале", „Вестник Европы", 1877 г., сент., стр. 101, 102.—См. возражения на эту статью Михайловского и Зибера, „Отечественные записки". 1877 г., ноябрь.

[2]) Это потому, что первая—идеалистична, а вторая—материалистична

[3]) „Немецкие социалисты т. II, „К. Маркс". Сборник госуд. знаний, Безобразова, Спб., 1888 г. Перепечатано в „Истории полит. учений", ч. 5-я, М. 1902, стр. 156.—См. возражения Зибера „Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина. II., К. Маркс, собр. сочинений, т. II Спб., 1900 г.

[4]) Там же, стр. 190.

вещенный марксистами, был бы скачком из царства признания права, труда, долга, совести, законности,—или в царство деспотизма большинства и всеобщего рабства, или в царство анархии, где ничто не сдерживает личного индивидуального произвола, где человеку все позволено, что он ни пожелает... Человек с сердцем и с совестью призадумается над мыслью обратить частную собственность в общественную при помощи захваченной силы на том только основании, что сила играла роль в рождении человеческих обществ"[1]).

К этой же категории критиков-охранителей относится и г. Слонимский, посвятивший экономическому учению Маркса целую книгу,—впрочем, с таким же успехом, как и статьи предыдущих авторов. Г. Слонимский выгодно отличается от остальных указанных критиков признанием за „Капиталом" некоторых достоинств. „Далеко не все идеи Маркса признаются в ней (т. е. книжке автора. П. О.) ложными", заявляет он. А несколько выше говорит: „Знаменитая книга Маркса о „Капитале" должна быть признана наиболее выдающимся и типическим продуктом соединения немецкой учености и диалектики с английскими промышленными идеями и доктринами"[2]). Это не совсем по-русски, но, повидимому, это комплимент. Г. Чичерин, например, далеко не так благосклонен. По его мнению, Маркс, ни по силе ума, ни по таланту, ни по разнообразию сведений, ни по философскому смыслу, не может сравняться с Лассалем[3]). А. И. Тарасов, будущий профессор Московского университета, идет дальше и заявляет, что „Карл Маркс, при всех бесспорных научных достоинствах его обширной монографии о капитале, оказывается недостаточно объективным, и это, между прочим, из-за завистливой ненависти к своему талантливому единомышленнику, еврею же Лассалю, у которого он видит только лживые мечты и неправые надежды"[4]). На эти выходки остроумно заметил еще Зибер, что г. Чичерин превозносит

---

[1]) „Очерки политико-экономической литературы", Карл Маркс. Спб. 1895 г., стр. 156.

[2]) „Экономическое учение К. Маркса", „Вестн. Евр." 1896—97. (Отдельной книгой, Спб. 1898 г.)

[3]) Цит. статья, стр. 155.

[4]) „О социализме", пуб. лекция, Яросл., 1888 г., стр. 15.

Лассаля перед Марксом, как менее опасного теоретического противника.

Но такое желчное, с личными выходками, отношение к учению Маркса оказалось необязательным даже для противников этого учения. Многие ученые, не разделяющие экономических воззрений автора „Капитала“, сумели отнестись к нему объективно, не проявляя раздражения апологетов капитализма Так, проф. Вреден, совершенно не разделяющий учения Маркса, указывает, что между теоретиками коммунизма, немецкими изгнанниками в Англии, „является с наибольшим обаянием Карл Маркс. Карл Маркс, унаследовав идеи Оуэна, их убедительнее развивает, вследствие большего научного образования. Истый последователь Гегеля по диалектике, обладающий притом выдающимися способностями, Маркс старается рельефно выделить стремление своей партии из массы сродственных социалистических утопий“[1]).

В таком же спокойном и приличном тоне критикует учение Маркса киевский профессор А. Антонович, совершенно правильно усматривающий преемственную связь его с учением Рикардо. Отвергая учение Маркса, он последовательно отвергает и учение Рикардо о труде, как мериле ценности[2]). К этому же разряду критиков следует отнести проф. Георгиевского, по мнению которого „учение К. Маркса могло остаться и осталось „символом веры“ партии, но для знания, для науки, несостоятельность положительной стороны учения уже обнаружилась с достаточной ясностью, так же точно, как и весьма важное значение критической части этого учения“[3]). Упомянем также автора многих учебников проф. Л. Ходского, находящего, подобно предыдущим, что „ошибочно считать труд человека исключительным источником ценности“[4]).

Но если учение Маркса встретило таких ярых противни-

---

[1]) „Курс полит. экономии“. Спб. 1874 г., стр. 125.

[2]) „Теория ценности“. Варшава, 1877 г., стр. 183.

[3]) „Полит. экономия“, 4-е изд., т. I, стр. XV. Спб. 1904. Это не мешает ему признавать учение Маркса „господствующим“ в русской экономической литературе. Значит, не совсем „обнаружилось“.

[4]) „Полит. экономия в связи с финансами“, изд. 2-е. Спб., 1887 г., стр. 3—6, и прим. к стр. 3. См. также стр. 83—4 и 520—2. (Первое издание вышло в 1884 г.).

ков, то, с другой стороны, оно встретило и горячих защитников. Однако, и здесь необходимо все время помнить, что те самые публицисты и ученые, которые принимали экономические теории Маркса, отвергали или обходили молчанием его социологическое учение.

Одной из первых статей, отозвавшихся на появление в свет „Капитала" в русском переводе, была рецензия г. И. К-на в „Вестнике Европы". Это была деловая и дельная заметка, автор которой сумел правильно понять сущность работы Маркса. Он писал про „Капитал", что „его научная цена заключается в выяснении тех частных законов, которым подчиняется возникновение, существование, развитие и смерть данного социального организма и замена его другим, высшим. И эту цену,—прибавляет автор заметки, — действительно имеет книга Маркса"[1]).

Годом раньше вышла в свет диссертация Н. И. Зибера „Теория ценности и капитала Давида Рикардо"[2]), в которой значительная часть была отведена экономическому учению К. Маркса. Этим трудом проф. Зибер начал длинный ряд работ, посвященных пропаганде научных идей марксизма. Так, в 1876—77 годах он поместил в журнале „Знание" ряд статей под общим заглавием „Экономическая теория К. Маркса"[3]). В 1882 г. он издал в приложении к „сочинениям Д. Рикардо"[4]) главу из Марксовой „Zur Kritik der politischen Oekonomie", а в 1885 г. переиздал в значительно дополненном виде свою „Теорию ценности" под заглавием „Д. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях"[5]), где он дал обстоятельное и подробное изложение учения „Капитала". Но Зибер не ограничился чисто экономической областью. Он перенес некоторые положения Маркса

[1]) И. Кауфман. „Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса", „Вестн. Евр.", 1872 г., май.

[2]) Н. И. Зибер. „Теория ценности и капитала Д. Рикардо". Киев, 1871 г.

[3]) „Знание", 1876 г., №№ 10, 12; 1877 г., № 2. Продолжение в „Слове", 1878 г., №№ 1, 3, 9, 12.

[4]) „Сочинения Д. Рикардо", пер. Н. Зибера. Спб., 1882 г., 2-ое приложение, стр. 614.

[5]) „Д. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях", Спб. 1885.

в область изучения первобытного права, возникновения семьи и культуры. В целом ряде статей [1]), а впоследствии в отдельном исследовании[2]) он старается показать, как ранние общественные учреждения возникают из экономических потребностей общества и его методов хозяйства. В этой области, которой Зибер, повидимому, занимался с особой любовью, он проявил большую эрудицию и вдумчивость.

Зибер явился наиболее цельным и последовательным—пожалуй, единственно последовательным—марксистом этой эпохи. Он посвятил всю свою деятельность защите и развитию учения Маркса. И все же даже этот наиболее последовательный марксист был лишь однобоким марксистом. Он усвоил экономическое учение Маркса, а также его взгляд на роль экономики в образовании общественных отношений, но исторический метод марксизма оставался ему чужд и, повидимому, даже не был им понят. Его самостоятельные исследования носят, по собственному его признанию, средний характер „между сравнительной и безотносительной оценкой“ [3]). Историко-материалистической оценки мы у него не встречаем. В этом отношении весьма интересна его неоконченная статья „К характеристике Е. Дюринга“ [4]). В сущности, сама статья представляет голый, некритический пересказ „Anti-Dühring'а“ Энгельса, но в ней есть маленькое введение автора, в котором он вкратце высказывается о диалектическом методе. „Можно сказать, повидимому, без преувеличения“—пишет здесь Н. Зибер, — „что в первый еще раз с тех пор, как существует так называемая диалектика, она является глазам читателя в таком реальном освещении. Впрочем, мы со своей стороны воздержимся от суждения о годности этого метода в применении к различным областям знания, а также и о том, представляет ли он собою или не представляет, — насколько ему может быть придаваемо действительное значение, — простое видоизме-

---

[1]) Главнейшие из них перепечатаны в „Собрании сочинений“, два тома, Спб. 1900 г.

[2]) „Очерки первобытной экономической культуры“. Спб. 1883 г.

[3]) „Теория ценности и капитала Д. Рикардо“, Киев, 1871 г., предисловие.

[4]) Напечатано в „Собр. соч.“, т. II. стр. 718.

нение или даже прототип метода теории эволюции или всеобщего развития. Именно в этом последнем смысле рассматривает его автор или, по меньшей мере, старается указать на подтвержение его при помощи этих истин, которые достигнуты эволюционною теорией, и нельзя не сознаться, что в некотором отношении здесь открывается значительное сходство". Это весьма характерный отрывок. Зибер, подобно большинству его современников, был эволюционистом; он не понял той „критической и революционной" стороны учения Маркса; которую подметил, например, Б. Чичерин. И диалектика была ему понятна лишь поскольку она совпадала с эволюцией.

В лице Н. И. Зибера экономическое учение Маркса проложило себе путь на университетскую кафедру. Несмотря на сопротивление „патентованных ученых", молодые профессора — и как раз наиболее талантливые и популярные — вводили Марксово учение о ценности и капитале в свои университетские курсы. Это было время крайней оппозиционности либеральной интеллигенции, для которой существующий строй был объектом отрицания, а грядущая буржуазия рисовалась в грубом образе Разуваевых. Защита существующего строя со стороны официальной науки заставляла независимых ученых противопоставлять ей учение социалиста Маркса, подрывающее не только существующий, но и ближайший грядущий строй. „Боязнь, что принятие этой теории поколеблет право частной собственности, каким оно является в настоящее время", — совершенно верно указывал проф. Исаев — „вот обстоятельство, окрыляющее многих экономистов при их полемике с учением Рикардо-Маркса" [1]). Но с другой стороны, несомненно, что либеральное ученье могло принять эту теорию лишь потому, что политический гнет и вытекающий отсюда их политический радикализм преувеличивал их расхождение с экономическими основами существующего порядка и затушевывал противоречие их интересов интересам и целям пролетариата.

Экономическое учение Маркса было принято Исаевым,

---

[1]) „Начала полит. экономии", изд. 5-е, Спб. 1900 г. Стр. 375.

Иванюковым [1]), Чупровым [2]), впоследствии Яроцким [3]), Скворцовым [4]) и др.

Среди публицистов и ученых, примкнувших в этот период к экономическому учению Маркса, особенного внимания заслуживают народники и последователи субъективной школы. Так, П. А. Лавров называет Маркса „нашим великим учителем“ [5]). Н. К. Михайловский выступает на защиту Маркса против г. Ю. Жуковского, а единственным „научным марксистом“ является, по уверению г. В. В.,—г. Николай-он.

Самым замечательным защитником Маркса среди этой группы является Н. Михайловский. Он заслуживает нашего внимания уже потому, что это один из немногих социологов, обративших в то время внимание на книгу о капитале. В качестве социолога он не мог обойти молчанием социологического метода Маркса, как это делали экономисты. И действительно, в статье „Карл Маркс перед судом г. Жуковского“, Михайловский посвящает несколько страниц значению развития капитализма для России. „Идеал его (русского человека. П. О.) — говорится в этой статье, — если он ученик Маркса, состоит, между прочим, в совпадении труда и собственности, в принадлежности рабочему земли и орудий и средств производства. Но в то же время, если он ученик Маркса, со стороны философско-исторического взгляда последнего, он должен радоваться разлучению труда и собственности, расторжению связи между работником и условиями производства, как первым шагом необходимого и, в конце-концов, благодетельного процесса. Он должен, следовательно, приветствовать ниспровержение зачатков собственного иде-

---

[1]) „Полит. экономия“, М. 1886 г.

[2]) „Полит. экономия“, М. 1906 г. Впрочем, у Иванюкова и Чупрова Маркс сплошь да рядом подменивается Миллем.

[3]) Относительно Яроцкого см. интересную полемику в „Пол. экон.“ Георгиевского (цит. выше).

[4]) „Основания полит. экономии“, Спб. 1898 г. Особенно предисловие, где излагается его расхождение с теорией ренты и падения нормы прибыли Маркса.

[5]) Предисловие к русскому переводу „Введения в критику философии права Гегеля“, Маркса.

ала“ [1]). В указанной статье Н. К. Михайловский ограничился этой (между прочим, совершенно ложной) постановкой вопроса; она получила более полное развитие лишь впоследствии, в 90-х годах. Между прочим, характерно, что в то время Михайловский совершенно иначе относился, чем впоследствии, к историческому материализму Маркса. „Если снять с „Капитала“ тяжелую, неуклюжую и ненужную крышу гегелианской диалектики, то независимо от других достоинств этого сочинения, мы увидим в нем превосходно разработанный материал для решения общего вопроса об отношении форм к материальным условиям их существования и превосходную постановку этого вопроса для частной области“ [2]). А страницей ниже автор говорит: „анализ отношений данной общественной формы к материальным условиям ее существования навсегда останется памятником логической силы и громадной эрудиции автора“. Но этот анализ и представляет не что иное, как тот самый „экономический материализм“, против которого впоследствии шла такая ожесточенная борьба со стороны Н. К. Михайловского и его сторонников.

На ряду с Н. К. Михайловским следует упомянуть экономиста г. Николая-она, печатавшего в 1880 году в „Отечественных записках“ свои нашумевшие впоследствии „Очерки“ [3]). Г. Николай-он всецело принимает экономическое учение Маркса, но старается видоизменить его в приложении к России. Или, как говорил г. В. В., „труд г. Николая-она... попытка мыслящего марксиста применить теорию капитализма к объяснению экономической эволюции в России [4]). 90-ые годы показали, как мало понимал дух марксизма г. Николай-он, когда переводил его буквы с латинского алфавита на русский.

Экономическую теорию Маркса приемлет и г. В. В., излагавший теорию ценности на страницах „Северного Вестника“ в 1887 г. [5]). Зато он отвергает социологическое учение

[1]) „Отечественные записки“, 1877 г. Перепечатано в „Сочинениях“ Спб. изд. 2-е, т. IV, стр. 172.

[2]) Там же, стр. 186.

[3]) Перепечатано отдельной книгой: „Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства“. Спб. 1893.

[4]) „Очерки теоретической экономии“, стр. 225.

[5]) Перепечатано в „Очерках теор. экономии“.

марксизма и, разумеется, прежде всего отвергает приложимость норм капиталистического развития к России. При этих условиях теория Маркса, выражающая сущность законов капиталистического строя, утрачивает всякий конкретный смысл и превращается в абстрактное книжное построение. Неудивительно, что г. В. В. мог после этого предлагать ее „патентованным ученым“, как вещь безвредную.

Мы не будем останавливаться на других критиках, так или иначе откликнувшихся на учение Маркса; все они подходят под какую-либо из рассмотренных категорий. В первой половине 80-х годов начинает появляться на страницах прогрессивных журналов неизвестное пока имя Г. Валентинова, под которым скрывается первый действительный марксист— Г. В. Плеханов. Однако в эту эпоху он встречает только отдельных читателей, понимающих его и сочувствующих ему Главная его деятельность развертывается в другой сфере— в нелегальной заграничной работе группы „Освобождение Труда“ [1]).

II.

Рабочее движение, которое неизменно сопутствовало образованию и развитию марксистских идей на Западе, [2]) было еще крайне слабо в 70-х годах в России. Оно проявлялось не в формах массового движения, а лишь путем выделения отдельных более развитых лиц и групп, и выступало оно не в качестве самостоятельного классового движения, а в качестве левого крыла революционно-демократической армии. Таково было значение, например, „Северо-русского рабочего

---

[1]) Некоторые из работ Плеханова за этот период перепечатаны в книге Н. Бельтова „За 20 лет“, Спб. 1906 (2-е изд.).

Характерно, что за весь период до 1890 г. в России были переведены только I т. „Капитал“ (1872 г.), глава из „Zur Kritik“ (1885) и „Письмо Маркса в редакцию „От. Зап.“ („Юрид. Вестн.“ 1888 г., кн. 10). Остальная марксистская литература была неизвестна.

[2]) Первые труды теоретиков марксизма тесно связаны с рабочим движением. „Положение рабочего класса в Англии“ Ф. Энгельса указывает на это уже своим заглавием. „Нищета философии“ Маркса вся проникнута борьбой французских рабочих. „Коммунистический манифест“ был рассмотрен и принят рабочим союзом.

союза". Правда, классовый инстинкт рабочих не мог не сказываться, особенно в такой чисто-рабочей организации, и Г. Плеханов правильно замечает, что „к 1879 г. рабочее движение переросло народническое учение на целую голову". „В 70-х гг. требование политической свободы явилось прежде всего в рабочей программе"—говорит он дальше [1]).—„Это требование сближало „Северно-русский рабочий союз" с западно-европейскими рабочими союзами, придавало ему социал-демократическую окраску. Говорю окраску, потому что вполне социал-демократической программу союза признать было невозможно. В нее вошла не малая доля народничества". Однако, и эти первые зародыши классового самосознания шли не столько на внутреннюю работу поднятия сознания широких масс, сколько на демократическую борьбу.

В конце 70-х годов произошел, как известно, раскол в партии „Земля и Воля", значительное большинство которой мало-по-малу дало увлечь себя чисто политической, к тому же террористической, борьбе. Меньшинство же, отвергнувшее принципиально этот род деятельности и основавшее организацию и орган „Черный Передел", стало на путь, который логически должен был привести его к марксизму. Оно прочно держалось старого взгляда на необходимость опираться на „народ", а практически это все более и более превращалось в необходимость опираться на рабочих. По признанию Плеханова, им приходилось итти „к рабочим не то, чтобы против воли, а, так сказать, против теории", ибо занятие с рабочими „при несравненно меньшей затрате сил, оказывалось несравненно более плодотворным, чем (наши) излюбленные „поселения в народе"[2]).

---

[1]) „Русский рабочий в революц. движении". (Переиздано в России М. Малых. Спб. 1906.).

[2]) Полемизируя в новой „Искре" против „Что делать" Ленина, Плеханов указывает на то, что и ему и Аксельроду приходилось заниматься с рабочими; этим он хотел указать, что марксизм группы „Осв. Труда" возник не независимо от рабочего движения. Нам кажется этот субъективный аргумент не убедительным. На наш взгляд, гораздо большую роль играли те скрытые стихийные влияния, которые создавались самим фактом образования пролетариата и толкали интеллигентов к занятиям с рабочими.

Учение Маркса, к которому, в конце-концов, пришли наиболее видные чернопередельцы, не было чуждо им раньше. Мы знаем из предыдущей главы, насколько широко были известны в России в 70-х годах идеи „Капитала". Но они принимались (поскольку принимались) крайне односторонне. Односторонне же принимал их и Г. Плеханов, проводивший некоторые положения марксизма в своих статьях в „Земле и Воле". Русский марксизм 70-х и начала 80-х годов наполнялся действительно марксистским содержанием лишь по мере того, как этого требовала сама жизнь, т.-е. развитие рабочего класса. А со времени раскола на воронежском съезде внешний и внутренний рост рабочего класса подсказывал все более и более марксистских мыслей интеллигентам, не погрязшим окончательно в народнической догме (а такими и были чернопередельцы, отрекшиеся от главного течения народнического социализма).

В 1880 г. вышла в свет брошюра Я. Стефановича „Злоба Дня.—Действующим и готовым действовать сотоварищам моим мое дружее послание"[1]). Здесь крайне характерны те мысли, которые подсказала жизнь практику, и которые заметно отклонялись от обычного в то время течения народовольчества в сторону марксизма. „Теперь, как и всегда,— говорится в этой брошюре,—нашей задачей должно быть создание партии из мужиков, из городских рабочих... Преимущественный напор наших усилий на городскую рабочую среду получает значение экономии сил и скорейшего проникновения революционной организации в село... Рабочие глубже нас поймут необходимость вовлечения в дело революции и мужика. Они убедятся в этом не в силу народнических тенденций, а просто по соображениям практическим: успех революции прямо пропорционален квадрату революционных сил крестьянства". Исходя из этих общих положений, Стефанович предлагал и соответственные практические мероприятия. „Соединение рабочих в союзы, например, на кассах самопомощи,—таков должен быть первый и необходимый приступ к созданию революционной организации рабочих". „В такие

---

[1]) Цитирую по брошюре Ю. Стеклова „Историческое подготовление русской социал-демократии". Спб. 1905, стр. 56—62.

союзы",—излагает Ю. Стеклов мысли Стефановича,—революционерам следует провести „сознательно социалистическое меньшинство", которое должно охватить эту организацию широкой „революционной идеей"... При таком способе действия революционеры „попали бы как раз, что называется, в точку".

В то время, как Стефанович издавал свою брошюру, те же мысли, но более определенно и последовательно, развивал „Черный Передел". „В основе общества,—говорилось здесь,—лежат, главным образом, отношения экономические, которыми по преимуществу и определяются остальные отношения—государственные, юридические, нравственные и пр."... „В настоящее время уже немыслим возврат к ремесленному изолированному производству, единственно-возможное решение рабочего вопроса заключается в экспроприации капиталистов и организации коллективного владения орудиями труда"... „Техника современного производства, начавшись социализацией труда, логически неизбежно ведет к социализации владения, т.-е. практическому осуществлению социалистических учений. Родившись на фабрике, рабочий социализм проникает и в деревню" [1]).

Но хотя чернопередельцы подошли вплотную к экономическим и социологическим взглядам научного социализма, они по отношению к России все еще сохранили много старых народнических предрассудков. Так, они придерживались старого отрицательного взгляда на политическую борьбу [2]). После 1881 г. в этом вопросе произошла заметная эволюция. В сентябре 1881 г. вышел последний, 4-й, № „Черного Передела". Маленькая группа не могла больше держаться в России; еще в 1880 г. Плеханову пришлось эмигрировать в Швейцарию. Здесь, в Женеве, была сделана попытка привлечь Плеханова в редакцию подготовлявшегося „Вестника Народной Воли". Однако, это соглашение скоро расстроилось;

---

[1]) Ю. Стеклов. „История подготовления etc.", стр. 62—4. Ср. дальнейшие стр., где подробно излагается эволюция чернопередельства, а также предисловие П. Аксельрода к 1-му изд. „Красного знамени" Мартова (перепечатано в „Борьбе соц. и бурж. тенденций в русск. револ. движении", Спб. 1907. Стр. 33 и сл.).

[2]) Ср. ядовитый отзыв Маркса в „Письмах к Зорге и пр." М. 1907, стр. 194.

следом его осталась рецензия Плеханова на книгу Аристова о Щапове (напечатана в № 1 „В. Н. В."). В это время произошел окончательный разрыв, и Плеханов, вместе с Аксельродом, Засулич, Дейчем и Игнатовым, образовали группу „Освобождение Труда" [1]).

Первым делом новой группы было отмежеваться от народовольчества, особенно в больном вопросе политики. И первым изданием явилась брошюра Плеханова „Социализм и политическая борьба". „Посмотрим,—говорилось в этой брошюре,—какое место отводит политической борьбе то учение, которому даже буржуазные противники не отказывают в названии научного социализма". Обрисовав понимание политической борьбы предшествовавшими течениями, Г. Плеханов писал: „Чтобы сделаться революционерами по существу, а не по названию, русские анархисты, народники и бланкисты должны были прежде всего революционизировать свои собственные головы, а для этого им нужно было научиться понимать ход исторического развития и стать во главе его, а не упрашивать старуху историю потоптаться на одном месте, пока они проложат для нее новые, более прямые и торные пути" [2]).

В 1885 году группа „Освобождение Труда" выступила с первой социал-демократической программой [3]). Изложив сначала общи программные положения международного социализма, программа переходит к особенностям социально-экономического положения России, „где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства". На всей программе лежит отпечаток этого недоразвития капитализма и подавляющего преобладания крестьянства. „Капитализм сделал в

---

[1]) О деятельности Г. В. Плеханова см. биографический очерк А. Ельницкого „Образование", январь 1906 г.

[2]) „Социализм и политическая борьба". Спб. 1906 г. Более обстоятельное противопоставление марксизма старой революционной идеологии дано было Плехановым в „Наших разногласиях" (перепечатано Спб. 1906 г.).

[3]) Первоначально напечатана в 5-ой книжке „Вестн. Нар. Воли", перепечатана у Лядова „История рос. соц-дем. раб. партии", Спб. 1906 г. т. I, стр. 37 и сл.

в ней (в России) громадные успехи со времени отмены крепостного права,—говорит программа.—Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству... патриархальные общинные формы крестьянского землевладения быстро разлагаются. Разложение общины создает у нас новый класс промышленного пролетариата. Более восприимчивый, подвижной и развитой, класс этот легче отзывается на призыв революционеров, чем отсталое земледельческое население... В лице этого класса народ наш впервые попадает в экономические условия, общие всем цивилизованным народам"... Программа все время имеет в виду необходимость и желательность привлечения крестьян к революционной борьбе. Аграрная часть ее является чисто крестьянской программой и не идет дальше требований земельной реформы: „Радикальный пересмотр аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ; представление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, каторые найдут это для себя удобным"—вот ее содержание. Впоследствии, при комментариях к программе 1902 г.[1]), Плеханов указывал, что такая постановка аграрного вопроса, без ясно выраженных социал-демократических перспектив, была сделана во избежание „ожесточенных, бесконечных споров". В виде уступки „предрассудкам" революционеров был введен и параграф о государственной помощи производительным товариществам.

Итак, первая программа марксистов не смогла еще освободиться от некоторых пережитков народнической идеологии. Окончательное очищение и самоопределение марксизма совершилось несколько лет спустя в период „Социал-демократа"[2]). Этот первый социал-демократический журнал сыграл крупную роль в деле подготовления марксистской мысли к той практической работе, которая предстояла в ближайшем будущем. Уже в 1891 г., в эпоху кризиса народнической интеллигенции и голода, группе „Освоб. Труда" пришлось дать практические директивы (Г. Плеханов „О

---

[1]) „Заря", № 4.

[2]) Сборник и четыре номера журнала под этим названием вышли в период 1888—1891 г. Главнейшие статьи перепечатаны у Бельтова („За 20 лет") и Засулич („Собр. соч.").

задачах социалистов в борьбе с голодом в России"[1]). А года через два начавший быстро расти в России легальный марксизм использовал весь опыт этой группы для борьбы с народничеством.

Однако, деятельность группы „Освоб. Труда" не ограничивалась заграничным издательством. В лице своих теоретиков она принимала участие и в рабочем движении, начавшем в то время складываться в России, как самостоятельное явление. В 1885 г. в Петербурге возникла первая социал-демократическая группа, начавшая издавать газету „Рабочий". В этой газете принимали участие П. Аксельрод и Г. Плеханов, поместивший в № 2 руководящую статью „Современные задачи русских рабочих"[2]).

Группа „Освобождение Труда" просуществовала двадцать лет. В 1895 г., по ее инициативе, был образован „Союз русских социал-демократов", куда вошла и сама группа. Но в начале 1900 г., когда большинство союза явно стало на сторону „экономизма", группа вышла из него и вошла в новообразовавшуюся революционную организацию „Социал-демократ". Эта организация не проявила жизнеспособности. В конце 1900 г. группа объединилась с новой группой „Искра". Окончательно прекратила она существование на 2-м съезде в 1903 г.

Группа „Осв. Труда" сыграла крупную роль в деле самоопределения марксистской мысли в России. Она воспитала поколение социал-демократов 90-х гг., которые в вопросах теории и в практических вопросах нашли в трудах группы прочную опору, сослужившую им большую службу сначала в борьбе с народничеством, а затем в борьбе с ревизионизмом и экономизмом. Десятилетняя работа группы, обогатившей русскую

---

[1]) Главнейшие сочинения Г. В. Плеханова за этот период были переизданы в России в 1906 г. книгоиздательством М. Малых. Кроме упомянутых уже выше сюда вошли: „Всероссийское разорение", „Еще раз социализм и политическая борьба", „Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова".

[2]) Статья перепечатана в книге Плеханова „На два фронта". Женева. 1905 г. Изложение ее у Лядова, т. I, стр. 49 и сл. Относительно „Рабочего" см. также примечания Кольцова к русскому переводу Туна „Истор. рев. движ. в России".

социалистическую мысль опытом и знаниями европейской социал-демократии, подготовила быстрое и энергичное освобождение русского марксизма от тягучего наследия народничества. Без этой предварительной теоретической работы русский марксизм, быть может, долго еще носил бы на себе след народнических утопий во вкусе „марксистов“ типа г. В. В. или Николая-она.

III

Начало 90-х годов прошлого века знаменуется глубоким поворотом в общественной мысли передовых кругов России. Наступает — и притом весьма резко — кризис в господствовавшей до тех пор народнической идеологии. В деле разрушения старых верований сыграли решительную роль два фактора, имевшие общие корни в социально-экономическом развитии России предшествовавших десятилетий: с одной стороны, крупный рост промышленного пролетариата [1] и пролетаризации крестьянства, с другой, разочарование интеллигенции в спасительных свойствах «народного» производства, после голода 1891 г., раскрывшего истинную картину деревенской жизни.

С этого времени начинают расти и умножаться марксистские кружки—и интеллигентские и рабочие. Идет подготовительная работа к выступлениям—литературному 1894—95 гг., боевому 1896 года. Зарождение и постоянное неприятное присутствие в обществе нового, враждебного народничеству, образа мыслей начинает все заметнее сказываться на той нервозности, с которой реагирует оно на—пока только возможное—выступление марксизма. Сдержанно-доброжелательное прежде отношение к марксизму, даже к его „произвольным гипотезам“, превращается теперь в полемику,

[1]) Хотя этот факт тогда отрицался народниками. Так, в 1894 г. г. Ник.-он, полемизируя против г. П. Струве, утверждавшего в статье в Soc.-pol. Centralblatt, что „миссия капитализма“ в России переместить центр тяжести из крестьянства в пролетариат, писал, что у нас за последнее время количество пролетариата относительно сократилось. Но объективная действительность сильнее действовала на умы, чем уверения народников.

принимающую все более и более сердитый и обиженный тон. Весьма характерно, что тяжелая артиллерия была двинута против марксизма еще задолго до того, как начали появляться в русской литературе печатные произведения марксистов [1]). Первая схватка с молодым поколением марксистов в экономической области носила, так сказать, международный характер, ибо завязалась она из-за немецкой статьи г. Струве.

Собственно поворот к марксизму не произошел так неожиданно и вдруг, как могло бы казаться. Не говоря уже о систематическом влиянии литературы группы „Освобождение Труда", особенно в конце 80-х годов и в период голода 91-го года, следует отметить ряд легальных проявлений марксизма в публицистике и науке. Статьи Г. Валентинова, о которых мы упоминаем в первой главе, статьи А. Скворцова, появлявшиеся в 1890 году, а также его книга «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство» — все это подготовляло почву для дальнейших шагов марксизма. [2])

В № берлинского журнала „Socialpolitisches Centralblatt" от 2-го октября 1893 г. появилась статья г. П. Струве „Zur Beurtheilung der Kapitalistischen Entwicklung Russlands", в которой он выступил, главным образом, против „Очерков" г. Николая-она. Задетый им попутно, г. Кривенко возразил в 12-й книжке „Русского Богатства", за тот же год („По поводу культурных одиночек"). В первых двух №№ следующего 1894 года появились статьи Н. К. Михайловского („Литература и Жизнь"), направленные против социологического учения Маркса. В первой статье разбирался вопрос об экономической необходимости пролетаризации крестьянства в России и развития капитализма, во второй речь шла

---

[1]) Н. К. Михайловский занял вполне боевую позицию (и сильно расходящуюся с его позицией 1877 г.) еще в январьском и февральском №№ „Русского Богатства" за 1894 г., между тем как первая марксистская книжка—„Критические заметки" П. Струве—появилась в свет к сентябрю того же года. То же самое—проф. Кареев в своих многочисленных статьях против „экономического материализма".

[2]) В сущности г. А. Скворцова только условно можно назвать марксистом. Мы упоминаем его здесь, лишь поскольку он выступал против народнической идеологии.

о диалектике. В этих статьях была положена основа всей дальнейшей полемики против марксизма, как со стороны самого Михайловского, так и со стороны его единомышленников. Здесь он более полно развил ту мысль, которую мы отметили выше в статье 1877 г., именно, что последовательный марксист „должен радоваться разлучению труда и собственности“, что марксизм заставляет русского человека способствовать насаждению капитализма, а в лучшем случае обрекает его на косность. Вместе с тем, к своему прежнему мнению, что гегелианство можно снять с марксизма, „как крышку“, он прибавил теперь оговорку: исключая одного пункта. Именно необходимость перехода от капитализма к социализму у Маркса доказывается-де только при помощи „триады“ Гегеля.

В области экономики выступил против молодого, или, как выражался Н. К. Михайловский, против нео-марксизма, г. Николай-он. В июньской книжке „Русского Богатства“ за тот же год он напечатал большую статью об условиях развития народного хозяйства в России. В своей двойной роли „истинного марксиста“ и противника „нео-марксистов“, он одновременно выступил против г. Слонимского и против г. Струве (против его немецкой статьи). Весьма характерно, что против г. Слонимского он выдвинул как раз предисловие к „Zur Kritik der politischen Oekonomie“, которое так усиленно оспаривалось народниками, а также критическую заметку г. И. К-на из „Вестн. Европы“, сильно расходящуюся с новой оценкой Маркса г. Михайловским.

Но вот в сентябре 1894 г. выходят в свет нашумевшие „Заметки“ г. Струве. [1]) С их резкой критикой социологического и экономического учения народничества, с их безапелляционным, несколько утрированным, разжалованием личности, эти „заметки“ явились для народнического течения тем же, чем красная тряпка для быка. Особенно пресловутые, заключительные слова книги: „нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму“ — вызвали бурю негодования.

---

[1]) „Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России“. Спб. 1894.

Началась отчаянная борьба. Тотчас по выходе книги в октябрьском номере „Русского Богатства“ появилась статья Михайловского, мелочные придирки и личные выпады которой свидетельствовали, насколько больно била марксистская критика старое мировоззрение. [1])

Но книга г. Струве не только била народничество; она таила в себе и элементы грядущего ревизионизма. В предисловии он вполне откровенно заявил, что, „примыкая по некоторым основным вопросам к совершенно определившимся в литературе взглядам (т.-е. марксизму. П. О.), он нисколько не считал себя связанным буквой и кодексом какой-нибудь доктрины. Ортодоксией он не заражен, если только под ортодоксией не разуметь стремления к последовательному мышлению.“ [2]) Особенно рельефно сказалась эта свобода от ортодоксии в критике народнической философии истории и изложении марксистской. По мнению автора, „чисто философское обоснование этого учения (т.-е. экономического материализма) еще не дано“, это учение „еще не справилось с тем огромным конкретным материалом, который представляет всемирная история. Нужен, очевидно, пересмотр фактов с точки зрения новой теории; нужна критика теории на фактах. Быть может, многие односторонности и слишком поспешные обобщения будут оставлены“. [3]) Однако, сам г. Струве не обратился к тому „пересмотру“ (в Германии это называлось „ревизией“) и к той „критике“, которые считал „нужными“. В своей книге он просто „дополнил“ Маркса и Энгельса аргументами А. Риля и Г. Зиммеля.

С г. Струве повторилась та же история, что с „марксистами“ первого периода: он тоже принял экономическое учение

---

[1]) Возражения на книгу г. Струве посыпались, как из рога изобилия. В том же № „Русск. Бог.“ была напечатана заметка (личная) г. Кривенко. Н. К. Михайловский в „Литературе и жизни“ (октябрь, 1894 г.); Ник.-он. „Апология власти денег, как признак времени“ (январь—февраль 1895 г.); г. В. В. в „Неделе“ № 47—49, 1894 г. и т. д., и т. д. Были и отдельные брошюры, напр., И. Гофштеттера „Доктринеры капитализма“. Спб. 1897 г.

[2]) „Критические заметки“, предисловие, стр. IX.

[3]) Там же, стр. 46.

Маркса, не приняв, или вернее, не усвоив его социологического учения и—главное — его метода мышления. Но за спиной экономистов 70-х годов не стоял пробуждающийся пролетариат, а потому их догматическое, профессорское отношение к экономике Маркса не могло принести большого вреда. Формально оно являлось даже плюсом по сравнению с господствовавшей школой, разжижавшей Ад. Смита учениями французских вульгарных экономистов. В совершенно другом положении очутился г. Струве. Его книга, таившая под личиной марксизма совершенно анти-марксистское явление, не могла не заражать ядом еще не окрепшую мысль подраставшего поколения социал-демократов.

Это обстоятельство заставляло революционных марксистов отмежевываться от г. Струве, хотя и приводилось вести с ним рука об руку борьбу против господствовавшего народничества. С определенной и резкой критикой струвизма выступил К. Тулин (Н. Ленин) в статье: „Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве". [1]). „Основная черта рассуждений автора,—писал Тулин,—отмеченная с самого начала, это—его узкий объективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности и небходимости процесса и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма—объективизм, характеризующий процесс вообще, а не те антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс". [2]) Исходя из этой общей оценки, К. Тулин подверг критику г. Струве тщательному пересмотру, отмечая каждый шаг отступления от марксизма и противопоставляя его ошибочным положениям правильные положения „ортодоксии".

Менее определенную позицию занял другой представитель революционного крыла марксистов—Н. Бельтов. По поводу книги г. Струве он в то время ясно не высказывался, считая, повидимомому, полемику неудобной. Однако, по тем приемам,

---

[1]) „Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития", сборник, Спб. 1895 г. Перепечатано у Вл. Ильина „За 12 лет" Спб., 1908 г.

[2]) „За 12 лет", стр. 120 „Это—язык объективиста, а не марксиста" (материалиста), говорит он в другом месте (стр. 48).

которыми он защищал эту книгу от Михайловского и др., видно, насколько для него была невозможна прямая ее защита. По поводу пресловутой заключительной фразы г. Струве Бельтов говорит, что „г. Струве все-таки очень неосторожно выразился“. Но эта „неловкость“, по его мнению, „причинена благородным увлечением западника“ (здесь приводится пример из жизни Белинского). „Шуметь по ее поводу,— продолжает Бельтов,—позволительно только тому, кому нечего возражать, например, на экономические доводы этого писателя“ [1]). Эта ссылка на „экономические“ доводы явно прикрывает нежелание ссылаться на философские и социологические его доводы [2]). Не менее двусмысленно и то, якобы значительное, примечание, которое брошено в другой статье. „Мы не говорим о книге г. П. Струве,—пишет здесь Бельтов,—потому, что она г. Николаю-ону неприятна. Но напрасно г. Николай-он так решительно называет эту книгу никуда негодной. В споре с г. Николаем-оном г. П. Струве очень и очень постоит за себя“ [3]). Однако, сборник, в котором была напечатана статья Тулина и последняя цитированная статья Бельтова, был сожжен цензурой, и немногие уцелевшие экземпляры не могли стать достоянием широкой публики. А, с другой стороны, в легальной литературе, продолжалось дружное сотрудничество г. Струве с Ильиным, Бельтовым и др., чем не мало подготовлялась почва для последующего ревизионистского шатания.

Крупным вкладом в молодую легальную марксистскую литературу была вышедшая в начале следующего 1895 года книга Н. Бельтова „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю,—ответ г.г. Михайловскому, Карееву и комп.“. Здесь впервые в русской литературе были развиты

[1]) „Еще раз г. Михайловский и еще раз „Триада“. Приложение „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“, изд. 2-е, Спб., 1905 г., стр. 249.

[2]) Это умолчание о философском диссидентстве г. Струве со стороны Н. Бельтова было тотчас же замечено и использовано Н. К. Михайловским („Русск. Бог.“, январь, 1895, стр. 138).

[3]) „Несколько слов нашим противникам“, первоначально под псевдонимом Утиса, в „Материалах к характеристике нашего хозяйственного развития“. Перепечатано в приложении II ко 2-му изданию „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“ стр. 281.

последовательным марксистом основные положения диалектического материализма и был он резко отмежеван, с одной стороны, от диалектического идеализма, с другой—от метафизического материализма. Бельтов заговорил совсем другим языком, чем Струве. „Действие,—писал он,—объясняет материалисту-диалектику историческое развитие разума общественного человека. К действию же сводится вся его практическая философия. Диалектический материализм есть философия действия". [1]) Вместе с тем Бельтов дал и более глубокую критику социологического метода субъективистов, вскрыв всю противоречивость их своеобразного марксизма „Вы признаете экономические взгляды Маркса,—писал он,—отрицая его историческую теорию, говорите вы. Надо сознаться, этим сказано очень много, а именно: этим сказано, что вы не понимаете ни исторической его теории, ни его экономических взглядов" [2]).

Книжка Бельтова, понятно, вызвала новую бурю протестов в народническом лагере [3]). А так как ее выход в свет отделяли всего три-четыре месяца от появления книги г. Струве и, следовательно, противники не успели еще о ней вполне высказаться, то на первые месяцы 1895 г. приходится наиболее ожесточенная полемика. Это был кульминационный пункт общей полемики, когда встали друг против друга во весь рост две системы мировоззрения. Вся дальнейшая борьба сводилась уже, главным образом, к частичным атакам на отдельные позиции. Мы не имеем возможности проследить здесь эту полемику, растянувшуюся на целые годы и мало-помалу захватившую все прогрессивные журналы. Сосредоточенная сперва почти исключительно в „Русском Богатстве", она переходит постепенно в „Русскую Мысль", в „Новое Слово", а там и в „Мир Божий", и в „Научное Обозрение", не считая других журналов, где она отражалась эпизодически,

---

[1]) „К вопросу о развитии и пр.", 2-е изд., стр. 202.

[2]) Там же, стр. 183.

[3]) Из критических статей отметим: „Литература и жизнь" Н. К. Михайловского (январь 1895 г.); „Что же значит „экономическая необходимость"? Ник.-она (март 1895 г.); „На высотах объективной истины". Н. Кудрина (март 1895 г.).

или где она была использована в совершенно посторонних целях (например, в „Русском Вестнике“ и т. п.).

Что касается специально марксистской литературы, то последующий период был ею довольно беден. Кроме нескольких переводов (например, „Происхождение семьи, частной собственности и государства“ Энгельса) следует отметить статью Ушакова (Бельтова) в „Русской Мысли“ [1]) и книжку Волгина против г. В. В. [2]).

Но это не значило, что исчерпались или исчезли силы марксизма. От общей, первоначальной схватки предстояло перейти к детальной очистке умов от верований, взглядов и предрассудков народничества. Для этого нужен был орган, что по тогдашним временам представляло большую трудность. Только весной 1897 года марксистам удалось получить в свои руки журнал „Новое Слово“, служивший до тех пор народническому направлению [3]). Здесь сосредоточились все силы марксистов обоих поколений—и группы „Освобождение Труда“, и девятидесятников. Будущие ревизионисты, а впоследствии идеалисты, как г. Струве или г. Булгаков, выступали здесь под бдительным контролем ортодоксов и „не портили ансамбля“. Журнал просуществовал только до конца года. Декабрьская книжка его была конфискована, а журнал закрыт. Новая попытка создать свой орган удалась только через год. С января 1899 г. приступили к изданию журнала „Начало“, просуществовавшего лишь пять месяцев [4]). К этому времени начали все яснее сказываться ре-

[1]) „Несколько слов в защиту экономического материализма“ (открытое письмо к В. А. Гольцеву). Перепечатано в „За 20 лет“, Спб. 1906. Изд. 2-ое. стр. 403.

[2]) А. Волгин. „Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)“. Спб. 1896.

[3]) „Новое Слово“ в марксистской редакции выходило с апреля по декабрь 1897 г. Главнейшие статьи перепечатаны: Бельтова—в „За 20 лет“; Вл. Ильина—„Экономические этюды и статьи“, Спб. 1899; В. Засулич—„Собр. Сочинений“, Спб. 1906; П. Струве—„На разные темы“, Спб.1901; К. Булгакова—„От марксизма к идеализму“, Спб. А. Потресова—в „Этюдах о русской интеллигенции“, Спб. 1906.

[4]) Двойная книжка за январь—февраль, затем мартовская и майская книжки. Апрельская была конфискована. Статьи некоторых авторов вошли в указанные выше сочинения (см. предыд. примечание).

визионистские тенденции, нашедшие себе место и на страницах „Начала“, от которого были фактически отстранены в силу различных обстоятельств наиболее активные марксисты ортодоксального крыла [1]). Наступил кризис русского марксизма, затянувшийся на несколько лет и окончившийся полным разложением так называемого „легального марксизма“

Вторая половина 90-х годов в общественном развитии России характеризуется пробуждением широких слоев рабочего класса. Рабочее движение, ограничивавшееся в предыдущий период почти только пропагандистскими кружками, вышло на улицу. Оно заявило себя первой массовой стачкой петербугских ткачей летом 1896 г. Это вторжение в общественную жизнь нового фактора, который до тех пор либо совсем не учитывали, либо учитывали, как некоторую алгебраическую, а потому абстрактную величину, имело два крупных последствия. С одной стороны, оно обескровило окончательно народническую идеологию, разбитую теоретически марксистами. Теперь борьба против народничества, субъективизма и пр. с каждым днем теряла значение; „критическая“ работа уступала место „органической“—созиданию социал-демократического мировоззрения и организации. С другой стороны, это же событие оказало сильное влияние на молодое поколение марксистов, сразу ставших лицом к лицу с широкой массой и в то же время недостаточно подготовленных и устойчивых теоретически, чтобы оплодотворить эту массу ее общими, классовыми лозунгами, а не просто отражать ее конкретные злободневные требования.

Два отмеченных факта—ослабление борьбы против народничества и соприкосновение молодого поколения марксистов с массой—имели крайне знаменательные последствия, наложившие свой отпечаток на весь этот период развития марксизма.

---

[1]) Провал петербургского „Союза борьбы“ забросил главное ядро социал-демократических литераторов в ссылку.

Упорное сопротивление народничества было той внешней средой, давление которой сплачивало легальных марксистов в единое, и казалось, единообразное целое. Борьба против народничества не позволяла пока проявиться анти-марксистским тенденциям этих легальных марксистов. „На ряду с заграничными и русскими социал-демократами—пишет Вл. Ильин,—эту борьбу вели такие люди, как г.г. Струве, Булгаков, Туган-Барановский, Бердяев и т. п. Это были буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму" [1]. И вот, когда сила народнического мировоззрения была сломлена, вместе с этим внешним давлением исчезла и созданная им внутренняя спайка легального марксизма. Правда, переход от марксизма к либерализму совершился не сразу, для этого понадобились годы. Ведь буржуазно-либеральное содержание этого сорта марксизма не было известно самим носителям его. Они находили свою истинную сущность лишь путем своеобразного развития. А это развитие шло последовательно от ортодоксального (более или менее) марксизма к бернштейнианскому ревизионизму, а от ревизионизма к идеализму и метафизике, от идеализма к либерализму. Это последнее превращение было лишь возвратом к откровенно классовой позиции из сфер абстракции, в которой были проделаны все эволюции от пролетариата к буржуазии.

Мы уже указывали, что зачатки ревизионизма, главным образом, в философской области были еще в первой книжке г. П. Струве и были своевременно отмечены Н. Лениным. Однако, внешние условия (разгар борьбы с народниками) и влияние кружка последовательных марксистов оказывали слишком сильное противодействие внутренним тенденциям этого писателя, и последующие работы его (в „Материалах к характеристике ets." и в „Новом Слове") не давали повода к борьбе внутри течения [2]. Но с закрытием „Нового Слова"

[1]) „За 12 лет", предисловие, стр. III.

[2]) Свидетельством этого служит также текст: „Манифеста" первого социал-демократического съезда в начале 1898 г., написанный г. Струве и служивший впоследствии опорой ортодоксам в борьбе с экономистами.

положение дел несколько изменилось. К этому времени стала все сильнее сказываться потребность высказаться начистоту и размежеваться. Хорошим внешним поводом явилась книга Э. Бернштейна, вышедшая как раз тогда отдельным изданием. Книжка Бернштейна сыграла громадную роль в жизни русского ревизионизма. Все боевые вопросы русских „критиков": учение о ценности, о тенденции развития капитализма, об обострении классовой борьбы, противопоставление Маркса Канту и в „гносеологии", и в „этике"—все это уже было затронуто Бернштейном. Несамостоятельность русских „критиков" в их методах борьбы с ортодоксией явилась отражением того факта, что по существу они были не мелко-буржуазными ревизионистами (наподобие самого Бернштейна), а идеологами буржуазного либерализма, не обревшими еще самих себя. Свою истинную физиономию смогли они показать и себе, и другим только накануне и после 17-го октября, когда окончательно развеялся демократический туман, обволакивавший и социалистов и либералов одной серой пеленой.

Первым вопросом, на котором началось трение между обоими течениями марксизма, был вопрос о рынках, завещанный еще народниками и живо занимавший умы в 1898—99 годах. О рынках писал еще г. П. Струве в своих „Критических заметках", этого же вопроса касался и К. Тулин. В 1894 г. появилась книжка г. Туган-Барановского, основывавшая учение о кризисах на теории рынков [1]).

Той же теме посвящена и книжка г. С. Булгакова о рынках [2]). Журналы 1898—99 годов ведут оживленную полемику по этому вопросу. Наконец, в 1899 г. появляется книга Вл. Ильина о развитии капитализма, носящая подзаголовок: „Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности". [3])

Центральным местом начавшего определяться ревизионизма явился журнал „Жизнь", первый № которого появился в

---

[1]) „Промышленные кризисы", очерк из социальной истории Англии. Спб., 1894.

[2]) С. Булгаков. „О рынках", Спб., 1897.

[3]) Вл. Ильин. „Развитие капитализма в России", Спб., 1899, II изд. 1908 года.

январе 1899 г. [1]). Правда, первые месяцы на страницах „Жизни“ шла оживленная полемика (о рынках), не позволявшая еще определить дальнейшей физиономии журнала, однако, к концу года становилось все яснее, что он превращается в орган ревизионизма. В февральском № 1900 г. г. Струве уже открыто выступил с критикой теории ценности Маркса [2]). Эта статья знаменует решительный поворот к ревизионизму. За ней следовал целый ряд аналогичных статей. Одновременно с этим начался заметный поворот в сторону Кантовой теорией познания. Одним из первых выступил с этим вопросом г. Б. Кистяковский на страницах „Жизни“. Первоначально ревизионисты ухватились только за „Критику чистого разума“, отмежевываясь от практического (этического) учения Канта. Однако, эта неполнота скоро начала сказываться, и постепенно детерминистическое учение марксизма было вытеснено у „критиков“ кантианским учением о долге [3]). В смысле окончательного поворота от материализма к идеализму знаменательной явилась небольшая статья все того же г. Струве „Фердинанд Лассаль“ и одновременно с ней появившееся предисловие к книжке г. Н. Бердяева о субъективизме и идеализме [4]). Здесь окончательно порывалась связь с прошлым и указывалось на метафизику, как на единственно верный путь познания высших истин. Этим откровенным переходом на идеалистическую точку зрения г. Стру-

---

[1]) Кроме „Жизни“ в распоряжении марксистов (обоих толков) было тогда „Научное Обозрение“, а в распоряжении г. Туган-Барановского „Мир Божий“, допустивший впоследствии на свои страницы и других ревизионистов.

[2]) См. критику этой статьи Карелиным в „Науч. Об.“, октябрь и ноябрь 1900 г. Вместе с тем г. Струве выступил с немецкой статьей в Архиве Брауна, т. XIV, вып. 5—6. Критику этой статьи, а также статьи из „Жизни“ см. у Бельтова „Критика наших критиков“ (первоначально в „Заре“).

[3]) Здесь уместно напомнить и о книжке П. Нежданова: „Нравственность“. М. 1898. В то время она прошла незамеченной и скоро была забыта. Ее идеи возродились в 1900 и след. годах.

[4]) Статья „О Лассале“ в „Мире Божьем“, ноябрь, 1900 г. Возражение на нее Ю. Адамовича „Жизнь“, янв., 1901 г. Книжка Бердяева „Субъективизм и идеализм в общест. философии“ (критический этюд о Н. К. Михайловском). Спб. 1900. Критика ее у Ф. Берсенева: „Русская Мысль“, июль, 1901 г.

ве окончательно порвал с марксизмом [1]). За г. Струве быстро последовали остальные столпы ревизионизма: его соратник Туган-Барановский, переделавший применительно к „критике" свою книгу о кризисах (см. издание 1900 г.), г. Булгаков, совершивший ревизию марксизма в аграрном вопросе [2]), г. Бердяев, г. Франк и пр. К 1903 г. они уже все разделались с марксизмом и заявили свой новый символ веры в толстой книге о „Проблемах идеализма". Марксизм освободился от них окончательно.

Другой характер носило развитие ревизионизма в общественном подполье—среди социал-демократов-практиков. Мы уже отметили, что в период 1896—97 гг. молодому поколению социал-демократов пришлось впервые встретиться с широкой массой пролетариата. Период пропаганды в замкнутых кругах, доступных лишь сливкам рабочего класса, сменился взрывом накопившегося недовольства в широких слоях рабочих-„середняков". Это движение, в значительной мере вызванное деятельностью социал-демократических организаций („Союза борьбы за освобождение рабочего класса"—в Петербурге, „Рабочего союза"—в Москве), носило все же, как и следовало ожидать, чисто стихийный характер. Содержание этого движения было чисто экономическое, ибо впервые пробудившаяся масса несознательных рабочих не могла еще выдвинуть политических требований [3]). И перед этим новым движением, впервые представшим в натуральную величину перед партийной интеллигенцией, эта последняя спасовала. Из выразителя и носителя общих, классовых лозунгов она стала регистратором саморазвивающейся мысли пролетариата. Ярче всего эта беспощадная роль идеологов сказалась на петербургской газете „Рабочая Мысль". Поставив своей задачей осведомление о требованиях, зарождаю-

---

[1]) Практическая связь г. Струве с марксистами была порвана приблизительно в то же время после неудачной попытки издавать совместно с ортодоксальными марксистами орган за границей. Вскоре после этого г. Струве пошел „на выучку (и на службу) к капитализму", основав в Штуттгарте либеральный журнал „Освобождение" (1902 г.).

[2]) С. Булгаков „Капитализм и земледелие". Спб. 1900 г.

[3]) Собственно говоря, июльская стачка в Петербурге явилась крупным политическим фактом, но субъективно, для рабочих она преследовала экономические цели.

щихся в рабочей среде, и о злоупотреблениях на фабриках, эта газета скоро превратилась в какой-то листок фабричных происшествий, крайне мелких и ничтожных. В довершение всего она попыталась возвести этот недостаток в принцип, поставив во главу угла движения борьбу из-за кипятка и устранив политические требования социал-демократии с поля зрения рабочих. Своего апогея достигло это течение в приложении к № 7 „Рабочей Мысли“, где дана была своеобразная теория „экономизма“, при чем в лжесвидетели призывался даже Н. Г. Чернышевский [1]).

Это анти-политическое движение было использовано мелкобуржуазно-демократическими элементами, в то время в большом количестве примыкавшими к марксизму. В конце 1898 или в начале 1899 г. появилось в рукописи краткое изложение взглядов крайнего экономизма, известное под названием „Credo“. Формулу „Рабочей Мысли“, что рабочие должны (по тому времени) вести только экономическую борьбу, „Credo“—по своему логично—дополняло формулой, что политическую борьбу следует предоставить либералам. В настоящее время известно, что автором „Credo“ была г-жа Е. Кускова, сотрудница „Товарища“. „Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии—говорилось в этом документе—суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву“. „Credo“,—пишет автор [2]),—самым решительным образом приглашало не тратить силу на игру в „самостоятельную рабочую партию“, образование которой невозможно в русских политических условиях, и отдаться борьбе за политическую свободу, не разъединяя рабочий класс в этой борьбе от других борющихся слоев народа“ [3]).

[1]) Справедливость требует признать, что этот № возмутил даже многих экономистов и вызвал ту реакцию против умеренности, которую мы встречаем в „Рабочем Деле“.

[2]) „Былое“, окт. 1906 г., стр. 325, примечание. Г-жа Кускова пытается ослабить значение „Credo“ ссылкой на то, что это ее единоличное творение—„бумаженка с наскоро набросанными для спора положениями“. Но, к несчастью, значение свое „Credo“ приобрело не от г-жи Кусковой, а от тех „экономистов“, которые сочувствовали ему.

[3]) „Credo“, а также статья г. N. N. „Ответ на брошюру Аксельрода: „К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демо-

В несколько смягченном виде теория „экономизма“ развивалась журналом „Рабочее Дело“, выходившим в Женеве в 1899—1902 гг. Руководящей идеей этого издания было, что рабочие должны сами, путем опыта притти к сознанию необходимости политической борьбы; что экономическая борьба, в условиях русской действительности, сама приведет к борьбе политической; что „политика всегда следует за экономикой“. Это учение, известное под названием „теории стадий“, представляло не что иное, как завершенное выражение того преклонения перед стихийным, самостоятельным, свободным от вмешательства „революционной бациллы“, развитием рабочего класса, которое явилось плодом неспособности интеллигенции объять теоретической мыслью конкретное движение пролетариата и вдохнуть в него классовое самосознание. Рост рабочего движения сам же способствовал и гибели этого течения. С 1901 г. началось активное вмешательство передовых слоев рабочего класса в политические события (напр., в студенческие волнения). Учение „экономизма“ потеряло почву, и критике „Искры“ нетрудно было его добить. В последнее время—после нового небывалого еще движения широких масс в 1905—6 гг.—преклонение перед стихийностью и самодеятельностью рабочих снова возродилось на правом крыле социал-демократии (профессионализм, рабочесъездовство), но оно уже не решалось игнорировать политики. Впрочем, это течение не могло развиться, так как его корни были подрезаны правительственными репрессиями против профессиональных союзов и упадком настроения масс.

Ревизионизм и экономизм имели много общих корней—и материальных и идейных. Но у них были и существенные различия социального свойства. Ревизионизм, в своем пре-

---

кратов“ и письмо г. М. М. (Е. Кускова) к членам группы „Освобождение Труда“ были изданы Г. Плехановым отдельной брошюрой под заглавием: „Vademecum“ для редакции „Рабочего дела“, Женева, 1900 (?). Рабочедельцы открещивались от „Credo“—этого enfant terrible экономизма,—оказавшего им поистине медвежью услугу.

Кстати заметить, что это течение сказалось также и в легальной литературе: см., напр., книжку г. С. Прокоповича „Рабочее движение в Зап. Европе“, Спб. 1899 г., особенно предисловие, где автор исповедуется в том, как „растерял добрую половину посылок марксизма“.

обладающем течении, явился стадией развития буржуазной интеллигенции, выступившей первоначально под флагом марксизма и поспешившей потом отступить на свою „естественную“ классовую позицию. Экономизм же был продуктом извращенного понимания марксизма со стороны части интеллигенции, мелко-буржуазная психология которой мешала ей правильно усвоить и проводить в жизнь теорию классовой борьбы пролетариата. По мере роста рабочего движения ревизионисты бежали в идеализм, метафизику, конституционно-демократическую партию. Экономисты же приспособлялись к требованию пролетариата, хотя и делали это с оттяжками, упираясь, постоянно возвращаясь к прежним ошибкам. Первые сыграли эпизодическую роль в истории марксизма, вторые—тесно связаны с его судьбами, хотя, большею частью, в качестве отрицательной величины.

V

К концу 90-х годов революционный марксизм был выбит из всех легальных позиций. Чисто марксистские журналы были закрыты, и исчезла всякая надежда на возможность возобновления их; те же полумарксистские периодические издания, которые пока существовали, вполне определенно тяготели к ревизионизму. Этот же ревизионизм владел умами значительной части марксистской интеллигенции, выступая в литературе под фирмой бернштейнианства, в партийной практике—под фирмой экономизма. К этим общим явлениям следует прибавить, что лучшие теоретические и литературные силы революционного марксизма были парализованы, частью в силу пребывания в ссылке, частью в силу отсутствия органа.

А между тем все настоятельнее чувствовалась потребность начать открытую борьбу против оппортунистического течения и в теории и практике. Первый съезд социал-демократической партии, состоявшийся в 1898 г., показал всю важность организационного и идейного единения молодой партии. Необходимо было защищать складывавшуюся организацию от опошляющих учений всевозможных „Credo“, укрепившихся в некоторых организациях и располагавших такими

органами, как „Рабочая Мысль“ в. Петербурге, а впоследствии „Рабочее Дело“ за границей.

Первым выражением этой назревшей потребности защиты ортодоксии явилось возобновление изданий группы „Освобождение Труда“. В особом „объявлении“ [1]), написанном П. Б. Аксельродом и вышедшем на переломе 1899—1900 года, задачей этого возобновления ставилась „решительная война против циркулирующих у нас под нашим собственным флагом идей и понятий, принципиально враждебных социал-демократии“. Пока эти идеи являлись плодом „упрощенного понимания марксизма“, они не представляли для движения серьезной опасности. „Но представители узкого и грубого экономизма в нашем движении—говорится далее в объявлении,—ищут себе теоретической поддержки на Западе в воззрениях тех „критиков“ марксизма, знаменосцем и глашатаем которых выступил Бернштейн, и которые, под видом „пересмотра научных основ социализма, программы и тактики рабочего движения“, стремятся разрушить эти основы и превратить социал-демократию из революционной классовой организации пролетариата в партию полубуржуазную, либерально-демократическую, с бледно-розовым социалистическим оттенком“ [2]).

Тем временем вернулись из ссылки некоторые влиятельные социал-демократы, образовавшие группу „Искра“ и приступившие, совместно с группой „Освобождение Труда“, к изданию газеты „Искра“, первый № которой вышел в декабре 1900 г. Началась политическая кампания против экономизма. И еще ощутительнее стала необходимость вести параллельно теоретическую кампанию против ревизионизма. Несколько разрозненных статей ортодоксальных марксистов в легальной печати, вынужденных для борьбы с ревизионизмом искать убежища на страницах ревизионистской „Жизни“ или совсем чуждых марксизму органов, как „Русская Мысль“, еще яснее показали невозможность удержаться на легальной позиции и необходимость открыть свой свободный орган. Первый № его появился в апреле 1901 г.; это была

---

[1]) Перепечатано в брошюре „Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском револ. движении“. Спб. 1907.

[2]) Там же, стр. 118.

„Заря“. [1]) Главной своей задачей она ставила борьбу против теоретических шатаний и выработку партийной программы, которая явилась бы путеводной звездой практической деятельности.

„В программном, тактическом и организационном отношениях—говорилось в проекте объявления о выходе „Зари“ [2]) —русская социал-демократия находится в полнейшем несоответствии с той исторической миссией, которая лежит на ней и от выполнения которой зависит ее право на существование и жизнеспособность в тисках абсолютистского режима. Этим определяется центральная задача русской социал-демократической прессы в настоящее время, поскольку последняя считает своей обязанностью не только служить более или менее пассивным отражением status quo движения, но и активно содействовать освобождению от всяких внутренних тормозов, мешающих его развитию и переходу в высший кризис“.

А тормазов этих накопилось много. Не были еще сведены литературные счета с г. Струве, успевшим за это время эволюционировать через ревизионизм в метафизику. Не было еще почти совершенно затронута позиция модного тогда Бернштейна, успевшего завоевать симпатию в довольно широких кругах. Наконец, на очереди стоял аграрный ревизионизм, усердно пропагандировавшийся г.г. Булгаковыми и Черновыми при посредстве Герца, Давида и их собственных „исследований“. Кампания была начата рядом статей Г. Плеханова под общим заголовком „Критика наших критиков“ [3]), направленных, главным образом, против Э. Бернштейна и г. Струве. Поворот последнего к либерализму был отмечен статьей Н. Ленина: „Гонители земства и Аннибалы либерализма“ [4]), написанной по поводу записки Витте „Самодер-

[1]) Всего вышло 4 номера за два года, из них 2-й и 3-й вместе, одной книжкой. Многие из статей, появившихся в „Заре“, например, Плеханова, Засулич, Ленина, перепечатаны легально в упомянутых уже собраниях сочинений авторов.

[2]) В свое время напечатано не было. Впервые появились в „Борьбе соц. и бурж. тенденций etc.“, стр. 122.

[3]) Перепечатано в книжке Бельтова „Критика наших критиков“, Спб. 1906 г.

[4]) Перепечатана в „За 12 лет“, стр. 153.

жавие и земство“ и, особенно, предисловия к ней г. Р.Н.С. (П. Струве). Против г.г. Булгакова и Чернова была направлена статья Ленина „Аграрный вопрос и „критики“ Маркса“ [1]).

Но этой чисто-теоретической критикой не исчерпывались задачи революционных марксистов. На ряду с борьбой против тенденций, подкапывавшихся под социал-демократическое учение извне, приходилось вести не менее энергичную борьбу против ревизионистских тенденций внутри самой партии. Эти последние, выступившие первоначально на страницах петербургской „Рабочей Мысли“ и нашедшие особо резкую формулировку в упомянутом выше „Credo“, проводились за границей (хотя и не с такой последовательностью) в „Рабочем Деле“. „Представители так называемого экономического направления,—говорилось в объявлении об издании журнала „Зари“—возвели даже в систему, чуть не в доктрину игнорирование общих политических интересов вплоть до того времени, когда наиболее отсталые рабочие массы стихийной борьбой с предпринимателями не будут приведены к сознанию этих интересов“ [2]). „Рабочее Дело“ приобрело особое, „историческое“, если хотите, значение тем, что всего полнее, всего рельефнее выразило не последовательный экономизм, а тот разброд и шатания, которые составили отличительную черту целого периода в истории русской социал-демократии; поэтому приобретает значение и чрезмерно подробная, на первый взгляд, полемика с „Рабочим Делом“, ибо мы не можем итти вперед, если мы окончательно не ликвидируем этого периода“ [3]).

Против экономизма велась усиленная борьба на страницах „Искры“, с первого же ее номера. Но на ряду с этим весной 1902 г. была издана книжка Н. Ленина „Что делать“, подвергшая доктрину экономизма детальной и резкой кри-

---

[1]) Перепечатана у Вл. Ильина, „Аграрный вопрос“, вып. 1-й, Спб. 1907, гл. I—X.

[2]) См. П. Б. Аксельрод. „Борьба соц. и бурж. тенденций ets.“, стр. 123. Ср. там же характеристику экономизма в „Письме в редакцию Раб. Дела“, стр. 97 и сл.

[3]) Н. Ленин „Что делать“, предисловие. Перепечатано в „За 12 лет“ стр. 185.

тике и установившая ее преемственное родство с так называемым легальным (оппортунистическим) марксизмом [1]). Эта теоретическая, тактическая и организационная борьба велась все время вокруг главной позиции—проекта программы партии, которая должна была заменить устаревшую программу группы „Освобождение Труда" и „Манифест" первого съезда. Этот проект программы был напечатан в № 21 „Искры" и в № 4 „Зари", где он сопровождался комментарием Г. Плеханова к общей части и специальным комментарием Н. Ленина к аграрной программе. Появление этого документа, как это ни странно, не вызвало сколько-нибудь серьезного обмена мнений в печати [2]). Полемика между искровцами и экономистами по программным вопросам возникла только на II съезде (август 1903 г.), когда обсуждался и был окончательно принят (с некоторыми изменениями) проект „Искры-Зари" [3]). Этим утверждением программы партии была пока завершена долголетняя борьба из-за идейного содержания марксизма. Ортодоксальное течение восторжествовало, а с ним и последовательная точка зрения классовой борьбы, очищение которой от непролетарских идеологий и составляло содержание всей истории марксизма предшествовавших периодов.

На ряду с указанными двумя течениями существовали в то время за границей более мелкие группировки, не оказавшие сколько-нибудь заметного влияния на ход и исход борьбы за ортодоксию. Ближе всего стоявшая к „Искре-Заре", группа „Борьба" не имела своего постоянного органа и прекратила свою деятельность после издания „Календаря" 1902 г.

---

[1]) Первоначально вышла в Штуттгарте в 1902 г. Перепечатана в „За 12 лет". Впоследствии, после раскола на II съезде, „Что делать" подвергалось весьма резкой критике со стороны искровцев меньшевиков. Но в период появления в свет это была настольная книга всякого искровца.

[2]) Против проекта программы „Искры-Зари" были написаны книжка Н. Рязанова, изданная первоначально за границей и перепечатанная в 1906 г. в России, и брошюра Невзорова „Наша программа". (Проект программы группы „Борьба" и комментарий к ней). Женева, 1902 г. См. также письмо X. об аграрной программе.

[3]) См. речи Мартынова и Акимова о программе в „Протоколах III съезда." Женева, 1904.

и нескольких брошюр. Столь же слабой и мало влиятельной оказалась другая организация — социально-революционная группа „Свобода". Правда, у нее оказался маленький журнальчик, но и тот был недолговечен; а ее идеи—смешение экономизма с терроризмом—не встретили сколько-нибудь заметного сочувствия [1]).

Независимо от этих групп и вне всякого соприкосновения с ними (даже полемического) возникла группа „Жизнь", перенесшая за границу издание закрытого в России журнала „Жизнь". И характер возникновения этого издания (игнорируя существующие уже организации и органы) и бернштейнианские традиции легальной „Жизни", все это мало располагало доверие социал-демократического читателя. После шести книжек издание прекратилось; сохранилось только издательство книжек и брошюр, частью оригинальных, частью переводных, которое просуществовало до 1905 г. [2]).

В то время, как главная борьба за чистоту марксистского мировоззрения сосредоточилась за границей,—в России в легальной прессе она не прекращалась, хотя сократились ее размеры и изменился характер. Мы уже видели, что к началу столетия столпы ревизионизма поворачивают к „идеализму". Они объединяются со старыми идеалистами, никогда не соприкасавшимися с марксизмом, Трубецкими, Нов-

---

[1]) „Свободы" вышло всего один или два номера. См. полемику с ней у Н. Ленина в „Что делать". Редактор „Свободы" и душа всей группы, Л. Надеждин, с 1902 г. перестал выступать в партийной печати. Он умер в начале 1906 г.

[2]) Редактором заграничной „Жизни" был В. А. Поссе, издателем—Г. А. Куклин. После прекращения „Жизни", г. Поссе, никогда не бывший ортодоксальным марксистом, начал все сильнее склоняться к анархизму, создавая какое-то своеобразное анархо-социалистическое учение (см. его „Какова должна быть программа русских пролетариев". Женева 1904). Куклин много работал над собиранием материалов по истории революционного движения в России, которые он издал частью в виде брошюр, частью в сводных работах (см. его „Материалы к изучению истории революционного движения в России", Женева. 1905 г. и „Итоги революционного движения в России за 40 лет", Женева. 1903 г.). В 1905 г. Куклин примкнул к Р. С.-Д. Р. П. Он умер 30 апреля 1907 г. (см. некролог в „Вестнике Жизни", № 7, сентябрь, 1907 г.).

городцевыми и пр., издают коллективный труд „Проблемы идеализма“ (Спб., 1903 г.) и завладевают остатками журнальной прессы. На борьбу с этим новым направлением, все еще делающим вид, что оно „исправляет“ Маркса, выступило молодое течение „философских реалистов“, ответивших тоже коллективным трудом „Очерки реалистического мировоззрения“ (Спб., 1904 г.). Главной твердыней этой новой группы марксистов стал московский журнал „Правда“ (начал выходить с января 1904 г.—закрыт в февраля 1906 г.).

После 1903 г. русским марксистам пришлось пережить немало моментов внутренней борьбы. II съезд положил начало новому расколу, которому суждено было оформиться только после двух лет борьбы и развития. В настоящее время прочно и резко обрисовалось деление партии на два крыла: большевистское и меньшевистское, опирающиеся на различное теоретическое обоснование тактики. Условия момента и запросы борьбы рабочих масс не позволили разногласиям выйти из рамок тактики. Программы они не коснулись [1]. Мы можем считать первый период идейного самоопределения марксизма законченным. Дальнейшие расхождения теоретического и программного свойства, которых едва ли избежит российская социал-демократия, должны будут исходить уже из этой, завоеванной, позиции.

История марксизма в России является блестящей иллюстрацией его теории. Она показывает, какой неразрывной связью соединена идеология данного класса с его бытием, с его повседневной борьбой. Законченное пролетарское мировоззрение, разработанное на Западе в живой связи с классовой борьбой рабочих, остается пустоцветом на русской почве, пока не назревает движение масс, оживляющее эту—до тех пор мертвую—догму. Лишь по мере развития рабочего движения формальный русский марксизм наполняется реальным содержанием. Мало того, те чуждые про-

---

[1]) Разногласие по поводу аграрной программы на Стокгольмском съезде по существу было, как мы указывали вскользь, тактическим разногласием. Даже аргументация сторонников муниципализации не исходила из теоретических положений, а учитывала исключительно практические моменты (см. „Протоколы объединенного съезда“. Спб. 1906 г.).

летариату элементы, которые на ранней стадии хватаются за марксизм в целях, посторонних классовой борьбе рабочих, вынуждены отказаться от этого мировоззрения, как только пробуждающийся пролетариат начинает видеть в нем свое классовое мировоззрение. Только с развитием рабочего движения русский марксизм перестал быть тем своеобразным, ублюдочным явлением, каким мы видели его в 70-х, 80-х и даже 90-х годах в России, и стал марксизмом в общеевропейском смысле, т.-е. учением социал-демократии.

